

Хронологическая граница, отделяющая период, рассматриваемый в данной части «Истории русского искусства», от предыдущего, довольно зыбка и условна, что объясняется асинхронностью и разнонаправленностью политических и художественных процессов, происходивших на территориях разных земель и княжеств в конце XII—первые три десятилетия XIII в.

На первый взгляд, характер событий и процессов, приходившихся на середину 1190—начало 1200-х гг.,— время, с которого начинается рассмотрение этого периода истории,— мало отличен от того, что можно было наблюдать всего лишь несколькими десятилетиями ранее. По-прежнему не прекращаются междоусобные схватки наиболее могущественных княжеских кланов—суздальских Юрьевичей, черниговских Ольговичей, смоленских Ростиславичей и волынских Изяславичей, борющихся за киевское великое княжение и за первенство в Русской земле, за возможность оказывать решающее влияние на общерусские дела. Однако пристальный анализ хода событий, особенностей складывающихся ситуаций позволяет различить появившиеся новые тенденции и новые черты.

После смерти в 1194 г. великого князя Святослава Всеволодовича, представителя династии черниговских князей, Киев окончательно утрачивает значение властного политического центра Русской земли. Тем не менее он не перестает быть крупнейшим торгово-ремесленным и культурным центром [1], остается духовной столицей страны, сохраняющей память о своем относительно недавнем могуществе и пробуждающей в сердцах некоторых князей надежду на возможность восстановления их единства. Возможно, этим объясняются непрекращающиеся попытки наиболее сильных из них подчинить Киев своей власти. За относительно короткое время—с 1194 по 1212 г.—он множество раз, с перерывами в два-три года, переходил из рук представителей одного рода в другие [2]. Но, конечно, главным фактором оставалось богатство города: «Борьба за Киев—это борьба и за пункт обмена, где поборы—дань, дар и т.д. ...обменивались на золото, серебро, сукно, предметы роскоши» [3].

Одновременно с постепенно слабеющим в политическом отношении Киевом крупнейшие княжества обретают статус полно-

стью самостоятельных государственных образований, к которым, как своеобразные сателлиты, тяготеют небольшие княжества, количество которых растет по мере постоянно умножающегося числа представителей правящей династии, претендующих на обладание собственным уделом Русской земли. Такие уделы часто переходят из-под влияния одной княжеской коалиции в другую, служа предметом политического торга между наиболее могущественными князьями. Так, представитель смоленского княжеского дома Рюрик Ростиславич, занявший в 1194 г. киевский стол, для упрочения отношений с волынским князем Романом Мстиславичем передал ему в управление ряд городов на Киевщине в Поросье. Однако великий князь владимиросудзальский Всеволод Большое Гнездо, самый могущественный в роду Мономаховичей, всячески противодействовавший образованию коалиции смоленских и волынских князей, принудил Рюрика разорвать заключенный договор и передать эти земли сыну—Ростиславу Рюриковичу, женатому на дочери Всеволода. В результате был нарушен существовавший шаткий баланс интересов княжеских кланов, и возник жесткий конфликт между Черниговом, Смоленском и Вольнойю.

В те же годы центром жестоких междоусобиц, в которых участвуют многие из ранее названных лиц, становится Галич. После смерти в 1199 г. галицкого князя Владимира Ярославича, не имевшего законных преемников, город захватывает Роман Мстиславич Вольнский, опережая здесь Рюрика Ростиславича Смоленского. Но после гибели Романа в 1205 г. в битве при Завихосте в Малой Польше в борьбу за обладание Галицким княжеством вступили местные боярские группировки—сын Всеволода Большое Гнездо Ярослав Всеволодович и поддерживаемые Черниговом сыновья новгород-северского князя Игоря Святославича. Им противостояли венгерский король Андраш II, краковский князь Лешек Белый, а вместе с ними князь торопецкий и новгородский Мстислав Мстиславич Удалой (Удатный), занявший в 1219 г. галицкий стол [4]. Он поддерживал юного сына Романа Мстиславича Даниила в его борьбе за утверждение на столе Вольнского княжества. В свою очередь Даниил выступал как его союзник, а затем и преемник в борьбе за обладание Галичем [5] [илл.1].

[1] Археологические исследования показывают, что «в начале XIII в. Киев продолжал развиваться по восходящей» (Ивакин, 2003. С. 61).

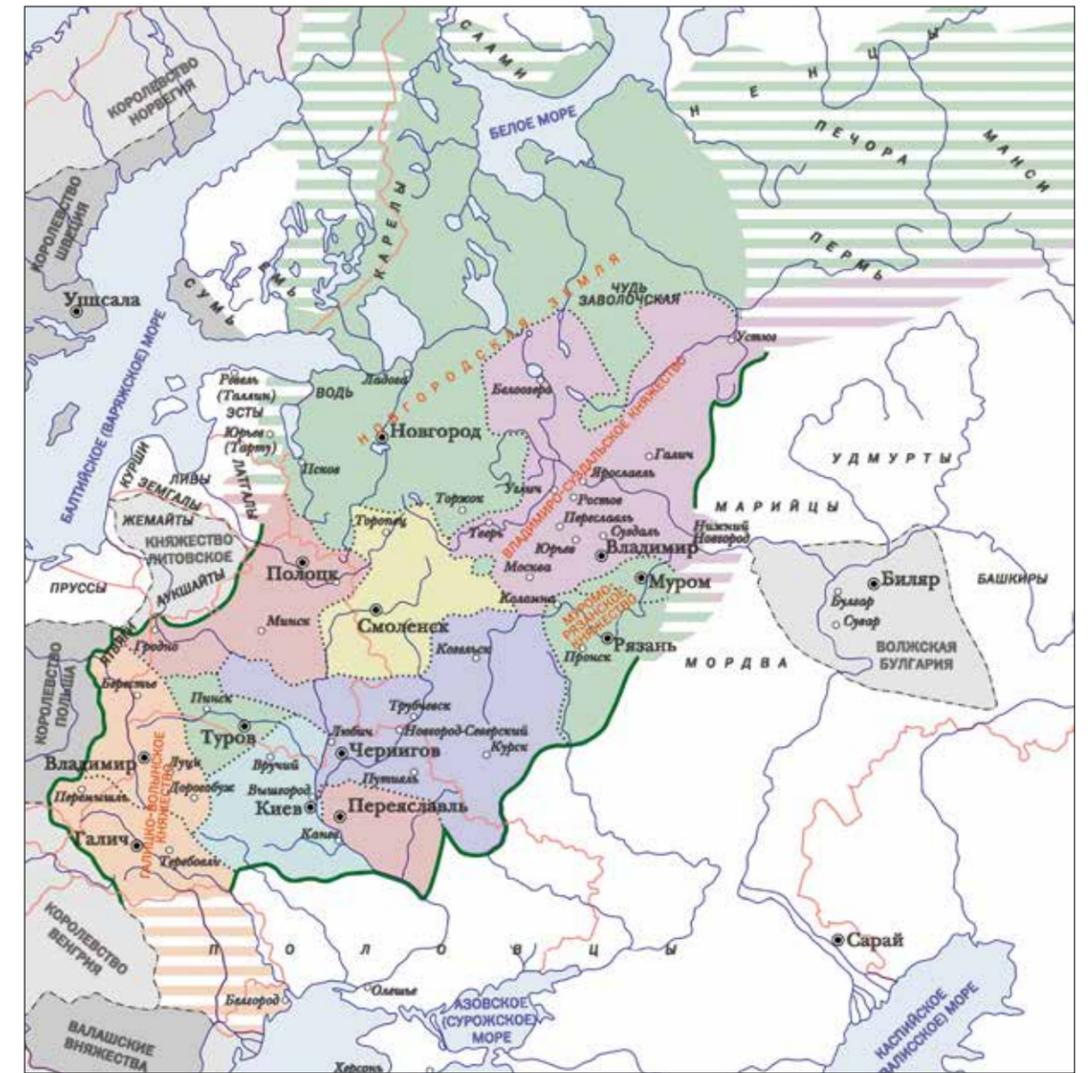
[2] В 1201 г. Роман с волынскими и галицкими полками захватил Киев и изгнал оттуда Рюрика. Еще через год Рюрик, которого в этот раз поддержали черниговские князья и отряды половцев, вновь захватил Киев, подвергнув его разграблению. Лишь в 1212 г., когда в очередной раз киевский стол перешел к смоленскому князю Мстиславу Ростиславичу, череда почти ежегодных смен прервалась. Так продолжалось до 1223 г., когда в битве с монголами на Калке Мстислав погиб.

[3] Хорошкевич, Плигузов, 1989. С. 19–20.

[4] Горский А., 1996. С. 67.

[5] Даниил был женат на дочери Мстислава Удалого Анне.

1 Карта русских земель в первой трети XIII в.

1

Интерес крупных княжеских союзов к территориям Руси, пограничным с Польшей и Венгрией, особенно возрастает после падения в 1204 г. Константинополя, захваченного крестоносцами, в результате чего прерываются прежние налаженные торговые, политические и культурные контакты русских княжеств с Византией, что усиливало значение торговых путей, шедших в Западную Европу и на Балканы через земли Галицкой и Вольнской Руси [илл.2].

Наряду с происходящим процессом разделения Русской земли на независимые княжества, приобретающим «необратимый характер» [6], идут и процессы иного типа. Некоторые «старые княжества» попадают в зависимость от более могущественных, как это происходит с постепенно слабеющим Полоцком, сильное влияние на который ока-

зывают, с одной стороны, Смоленск, а с другой—западные соседи, в первую очередь литовские князья [7].

Одновременно заметно возрастает политическое и экономическое значение Новгорода, с которым приходится считаться самым могущественным князем. Теперь он во многом определяет ход событий на Северо-Западе Руси и характер отношений с западными соседями. Если на протяжении всего XII в. главными врагами русских князей были на юге половцы, а в Поволжье—булгары, то в конце столетия впервые в истории Древней Руси грозные противники появляются на ее северо-западных и западных окраинах, по соседству с Полоцком, Новгородом и Псковом. Земли ливов, литовцев, пруссов, эстов захватывают и строят здесь замки рыцари ордена мече-

[6] Котляр, 2007. С. 64. Симптоматично, что в те же десятилетия аналогичные явления происходят в других странах Центральной и Южной Европы. На фоне слабеющей Византийской империи в 1187 г. возникает независимое от нее Второе Болгарское царство; в 1190 г. Византия признает государственную независимость Сербии. На рубеже XII–XIII вв., в период царствования царицы Тамары, достигает своего наивысшего расцвета Грузия. Чуть позже, в 1212 г., на политической карте Европы как независимое государство появляется Чехия.

[7] Алексеев, 2006. С. 18–22.

2

носцев, а чуть позже — немецкого Тевтонского ордена и датчане. Псков становится западным форпостом Новгородской земли.

Появление опасных врагов на этих землях создало новую для Руси политическую ситуацию, которая будет постоянно обостряться. Захватываются территории, входившие в состав русских княжеств, на еще недавно открытых торговых путях появились препоны, все четче обозначается западный рубеж Русской земли, на котором постоянно происходят военные столкновения.

Важной вехой русской истории домонгольского периода стала смерть Всеволода Большое Гнездо в 1212 г. С этого времени мера влияния князей Северо-Восточной Руси на дела южных княжеств начинает постепенно ослабевать. С полной очевидностью эта тенденция проявилась после того, как в том же году Ростиславичи изгнали из Киева представителя черниговского княжеского дома Всеволода Черного. На целое десятилетие на киевском великокняжеском столе утвердился представитель смоленской ветви династии Рюриковичей. Могущественные князья Владимиро-Суздальской Руси — сыновья Всеволода — были временно оттеснены ими на второй план, что отчасти объяснялось раздорами внутри их клана, открыто проявившимися после смерти отца. Кульминационной точкой этой распри стало сражение 21 апреля 1216 г. на реке Липице близ Юрьева-Польского между войском Константина Всеволодовича, старшего из Всеволодовичей, которого поддержали дружины смолян и новгородцев — с одной стороны, и войсками его младших братьев Юрия, Ярослава и Святослава — с другой. Битва окончилась полной победой Константина,

отстоявшего свое право занять великокняжеский стол во Владимире. Братья Константина были вынуждены признать его своим «господином» — сюзереном [ил. 3, 4].

С той поры внимание наследников великого владимирского князя все больше сосредотачивается на вопросах, связанных с укреплением своих позиций в Поволжье и с влиянием на Новгород, где их интересы пересекались с интересами Смоленска. В истории Новгорода Липицкая битва, где он проявил себя как самостоятельная сила, с которой вынуждены считаться самые могущественные русские князья, также стала значительным событием.

Все это происходит одновременно с ростом могущества Волынского княжества, власть в котором в 1215 г. взял в свои руки юный князь Даниил Романович. Политические интересы последнего, основанные, помимо всего, и на родственных связях, распространялись на Южную Русь, Польшу и Венгрию [8]. Результатом сложных военных и дипломатических демаршей, предпринятых Даниилом Романовичем, стал осуществленный при поддержке Мстислава Удалого захват части земель у краковского князя Лешка Белого. В целом же все второе десятилетие XIII в. было отмечено безусловно первенствующей ролью смоленских Ростиславичей в политической жизни Киевщины, Галича и Новгорода.

Относительно спокойное течение жизни Юга и Юго-Запада Руси во второй половине 1210 — начале 1220-х гг. было прервано вторжением монгольских войск, которые впервые появились на территории Руси в 1223 г. [ил. 5]. Нашествие неведомых ранее иноплемеников объединило даже недавних врагов. В битве с монгольскими войсками,

2 Осада Константинополя крестоносцами в 1204 г. Миниатюра из «Хроники императоров» Давида Обера. 1470-е гг. Париж, Национальная библиотека Франции

3 Печать великого князя Владимирского Константина Всеволодовича. 1210-е гг. ГИМ

4 Шлем князя Ярослава Всеволодовича. Начало XIII в. Музеи Московского Кремля

5 Монголы штурмуют город. Миниатюра «Сборника летописей» («Джами ат-таварих») Рашида ад-Дина. XIV в. Лондон, Британская библиотека. Деталь

3

4

случившейся в конце мая — начале июня 1223 г. на реке Калке (на территории современной Донецкой области Украины), наряду с русскими участвовали и дружины половцев. Только войско, посланное владимирским великим князем Юрием Всеволодовичем, из-за медлительности его руководителей

ко времени битвы не поспело. Результатом битвы стало сокрушительное поражение объединенной русско-половецкой рати. В ней погибло много русских князей из Центральной Руси, из Киевского, Галицко-Волынского, Черниговского, Смоленского княжеств [9]. Тем не менее это поражение не стало основой для согласия, не прекратило междоусобные войны и тем более войны с ближайшими соседями Руси — в Прибалтике с литвой, чудью, датчанами, Тевтонским орденом [10]; в Поволжье с булгарами; в Галиче и на Волыни с венграми и поляками.

В битве на Калке, наряду со своим тестем Мстиславом Удалым, принимал участие и волынский князь Даниил Романович, которому удалось избежать гибели. В последующие годы он становится одним из самых авторитетных и могущественных политических деятелей своего времени. В 1229 г. он овладел Галичем, создав условия для окончательного объединения его с Волынью и образования Галицко-Волынского княжества. В 1240 г. он ненадолго становится великим князем Киевским, который в том же году был захвачен войсками хана Батые. За два года до этого пала столица Северо-Восточной Руси Владимир, при обороне которого в битве на реке Сить был убит великий князь Юрий (Георгий) Всеволодович.

5

[9] Толочко, 2003. С. 133–135.

[10] В 1232 г. папа Римский Григорий IX призвал рыцарей ордена меченосцев на борьбу с новгородцами, препятствующими католлизации финских племен. В 1234 г. новгородский князь Ярослав Всеволодович вторгся во владения ордена под Дерптом и одержал над крестоносцами победу в сражении на Омовже. В 1240 г. новгородский князь Александр Ярославич разгромил шведов на реке Неве, а в 1242 г. одержал победу над немецкими рыцарями на Чудском озере. См.: Пашута, 1956. С. 106–118; Хрусталев, 2009.

[8] Котляр, 2008.

Галицко-Волынская земля, управляемая Даниилом Романовичем Галицким, дольше всего оказывала сопротивление монгольскому нашествию, хотя и Даниил, как и другие русские князья, вынужден был признать верховную власть хана Золотой Орды, основанной Батыем в 1243 г. Но его умелая дипломатия привела к тому, что монголо-татарское иго в Юго-Западной Руси носило более мягкие формы, чем на Северо-Востоке. В 1245 г. войско Даниила в сражении близ Ярославля на реке Сан разгромило союзные полки галицких бояр, венгерского короля и малопольского князя Болеслава V. Эта победа завершила сорокалетнюю борьбу за право полного обладания Галичем. Даниил заставил считаться с собой венгерского короля, который в 1247 г. выдал дочь Констанцию замуж за его сына Льва [11], и даже папу Римского, приславшего ему в 1253 г. королевскую корону. Даниил принял ее, рассчитывая на помощь Рима в борьбе с монголами, но на унию с католической церковью не пошел. Однако сам ход истории вел к ослаблению связи Галицко-Волынской земли с остальной Русью [12].

При обозревании широким взглядом всего периода от 1190-х до 1240-х гг. с целью найти наиболее характерные для него черты и тенденции в политической, социальной и духовной жизни прежде всего обращает на себя внимание усложнение самого ее уклада и типологии порожденных ею культурных явлений. Конечно, важнейшим фактором времени является нарастающий разрыв между сформировавшейся в предыдущие столетия основой культурной и духовной общности и политическим разделением русских земель. Особенно остро люди, живущие в разных княжествах, начинают осознавать это после сокрушительного поражения русских дружин в битве на Калке в 1223 г. Страшная катастрофа, в целом произведшая гнетущее впечатление на умы современников, нашла отражение в летописях, но получила там весьма несхожие оценки [13].

Вместе с появлением все большего количества действующих сил в лице представителей старших и младших княжеских родов картина политической жизни Руси постоянно усложняется. Их интересы прочно переплетены, в одних случаях они приводят к столкновениям, в других — к согласию. Превращение недавних союзников во врагов, а врагов в союзников, непрекращающиеся переговоры друзей и противников создавали своеобразную атмосферу, свидетельствующую об их постоянном пристальном и ревностном интересе противоборствующих княжеских кланов друг к другу. Их взаимоотношения сопровождалась не только войнами и дипломатическими переговорами, но и заключением династических браков, а также, как

6

показывают письменные источники и результаты археологических исследований, присылками зодчих и строительных артелей.

Дробление земель на уделы, заметно ослаблявшее Русь в политическом отношении, в экономике приводило к положительным результатам. Хозяйственное освоение территорий, передаваемых во владение «младшим» князьям и представителям «младшей дружины», оказывало влияние на все стороны жизни Руси, в том числе социальной и культурной. Оно служило стимулом для строительства городов и сел, способствовало развитию земледелия, ремесел и торговых связей, укреплению их [14]. Значимым фактором являлся не просто чисто экспансионистский захват новых земель, сопровождаемый строительством пограничных крепостей, но их активное экономическое обустройство, превращение в политические и торговые центры, как это показывает строительство Георгием Всеволодовичем Нижнего Новгорода. Важными экономическими и культурными центрами становятся: на Севере — Белозерск и Великий Устюг; на Волге — Тверь, Ярославль, Углич, Кострома; в Смоленском княжестве обретают самостоятельное значение Торпец, Мстиславль, Ржев; в Галицко-Волынской земле — Львов, Холм, Угровск; в Рязанском княжестве — Пронск, Коломна. Именно в рассматриваемый период началось активное развитие Москвы [15] [ил. 6].

Торговые пути, в основном речные, по которым с юга на север, с востока на запад и с запада на восток шли караваны купцов, несмотря на непрекращающиеся междоусобные схватки и войны, продолжали функционировать и укрепляться [16]. Охраняемые владельческими князьями, они являлись важнейшим фактором, определяющим единство экономического пространства Руси. Сколь значимым для внутривосточных отноше-

6 Серебряное ожерелье, найденное в Московском Кремле. Рубеж XII—XIII вв. Музей Московского Кремля
7 Полет Александра Македонского. Деталь серебряного блюда из поселка Мужы Тюменской области. Константинополь. Рубеж XII—XIII вв. ГЭ

[11] Свою дочь Устинью (Анну) Даниил в 1250 г. выдал замуж за великого владимирского князя Андрея Ярославича, брата Александра Невского. См.: Майоров, 2011. С. 654–708.
[12] Так, в 1252 г. сын Даниила Роман женился на наследнице австрийского герцогства. Даниил вмешался в войну за герцогский престол и добился признания прав Романа на него.

[13] Данилевский, 2001. С. 95–132.

[14] Так, из рук Всеволода Большое Гнездо его старший сын Константин получает во владение Ростов и Ярославль, Юрий — Владимир и Суздаль, Ярослав — Переславль-Залесский, Святослав — Юрьев-Польский. Константин Всеволодович, вступивший в 1216 г. в военный конфликт с братьями, принудил Юрия уступить ему «стол» во Владимире, но вскоре отдает ему Городец, затем Суздаль, а своим детям — Ростов и Ярославль.

[15] Панова, 2003. С. 97–102.

[16] См. об этом: Толочко, 2006. С. 184–191.

7

ний был этот фактор, позволяет судить сообщение летописи о чудовищном разорении Киева, учиненном объединенным войском Рюрика Ростиславича, Ольговичей и половцев при захвате города 1 января 1203 г. Разорили церкви, в том числе Святую Софию и Десятинную, грабили и убивали, брали в полон всех попавших под руку, включая «чернигов» и «черниц», попов и попадей. Но при этом пощадили иноземных гостей «веського языка... и вьдаша имъ животь», а товар их «разделиша с ними на полы (пополам. — Л.Л.)» [17].

Среди таких товаров, попадавших даже в самые отдаленные точки Руси — в верховья Камы и Оби, помимо амфор с вином и маслом, янтаря, расписной восточной керамики [18], тканей, были и выдающиеся в художественном отношении изделия восточного, византийского и западноевропейского сереброредия, такие, например, как поднос и чаша с крышкой XII в. работы мастеров из Малой Азии, найденные в Борисовом Городке близ Сургута (ГЭ), блюдо со сценой полета Александра Македонского работы константинопольского торефта рубежа XII—XIII вв., происходящее из поселка Мужы Тюменской области (ГЭ), и найденная там же чаша с крышкой работы мастера второй половины XII в. из Северной Европы (ГЭ) [19] [ил. 7].

С ростом городов, их территорий, ростом городского населения увеличивается и число монастырских и приходских храмов, вокруг клира и насельников которых, являющихся основными носителями духовного просвещения, складывается особая «уличанская» приходская среда. Таким путем религиозное сознание, наряду с грамотностью, становится общим достоянием широких масс народа, которые, в свою очередь, привносят в него элементы, связанные с разными по своим истокам традициями, в том числе

с пережитками языческих верований. Черты синкретизма будут еще долго удерживаться в русской культуре.

Новые исторические реалии приводят к тому, что, вместе с формированием внутренних политических границ удельных княжеств, разделяющих Русскую землю, вокруг нее начинает образовываться еще одна граница — ментальная, отделяющая ее от стран с другой верой и иным культурным укладом. На самосознание большей массы народа начинают активно воздействовать и реалии местной жизни, и поэтический образ общей родины — «Русской земли», с поразительной силой запечатленный в «Слове о полку Игореве».

Представители городского населения, объединяющиеся, как это было в Новгороде и Галиче, вокруг наиболее влиятельных боярских семей и купеческих корпораций, оказывают все большее влияние на уклад жизни и ход событий. Их умонастроение, интересы и вкусы, постепенно отходящие от того, что было принято считать каноничным для культуры придворной или монастырской, все более определенно проявляются в письменности, прикладном искусстве, зодчестве. Свой отпечаток на атмосферу духовной жизни накладывают местные князья и архиереи, активно включающиеся в жизнь городских сообществ, выступающие заказчиками строительства храмов, украшающие их росписями, драгоценными прикладами к иконам, книгами, предметами литургического обихода. В свою очередь, упорчение связи между верхушкой общества и разными слоями городского населения в условиях формирования политической независимости княжеств начинает оказывать воздействие на творчество мастеров — зодчих, иконописцев, резчиков по камню и ювелиров, способствуя сложению местных художественных традиций [20].

Дающее о себе знать самосознание городского населения в картине жизни русских земель образует не столь заметный, но наиболее широкий и устойчивый пространственный план, на фоне которого и происходят все события политической жизни. В этом пространстве, видимо, и было заключено интегрирующее начало, противостоящее, хотя и пассивно, процессу дробления страны на удельные княжества с особыми, свойственными только им приметами субкультуры. Такое самосознание нашло отражение в изумительной по эпическому размаху панораме Руси, созданной в годину монгольского нашествия автором «Слова о погибели Русской земли», которую он называет «светло светлой и прекрасно украшенной» [21]. Его самого поражают величественный покой и бескрайние горизонты увиденной как бы сверху картины с «озерами

8

многими, реками и источниками», «крутыми холмами» и «высокими дубравами», «бесчисленными городами великими, селениями славными, монастырскими садами, храмами божьими» [22]. Весьма симптоматично, что земля в этом пейзаже предстает не в виде дикого, не населенного людьми пространства, а как образ благоустроенного, благоденствующего мира, вмещающего в себя как воинствующих «грозных князей», «бояр честных», «вельмож многих», так и вместе с ними зверей и «разнообразных птиц» [23].

В том же «Слове о погибели Русской земли» прочитывается еще одна чрезвычайно важная для рубежа веков мысль, хотя и присутствующая в нем как бы неявно. Его автор ставит рядом понятия «земля Русская» и «правоверная вера христианская» [24]. Действительно, по мере разрушения обычаев, унаследованных еще от родо-племенного уклада жизни, их деактуализации, что в полной мере дает о себе знать как раз в рассматриваемое время, наиболее мощной силой, связующей население разных русских княжеств и земель, становится христианская вера. Именно это начало, несмотря на процессы политической автономизации отдельных земель, способствовало формированию основ национального самосознания, культурной общности разных регионов страны, а много позже — единого простран-

ства русской средневековой культуры. Показательно, что идея христианства как религии широких масс народа, а не только социальных верхов становится знаменем времени и на Руси, и в Западной Европе [25]. Способствует этому и ситуация, возникшая после падения Константинополя, приведшая к затруднению связи с патриархией и одновременно к возрастанию роли киевского митрополита, а наряду с ним и местных архиепископов [26]. Киевский митрополит является той единственной силой, которая была способна хотя бы отчасти гасить противоречия противоборствующих княжеских кланов. Так, в 1210 г. митрополит Матфей отправляется во Владимир к Всеволоду Большое Гнездо, чтобы примирить его с черниговскими Ольговичами и смягчить участь рязанских князей, плененных суздальцами [27].

Происходящие сдвиги в политическом и общественном устройстве жизни, атмосфера взаимодействий и противостояний накладывали свою печать и на художественные процессы. Они создавали условия для прихотливого сплетения художественных традиций, имеющих разные истоки, порождали разные по форме, но вместе с тем схожие по существу идеалы и образы, которые находили воплощение в произведениях архитектуры и искусства, создававшихся в разных политических и культурных центрах Руси,

[22] Там же.

[23] Там же.

[24] Там же.

[25] См.: Карсавин, 1912.

В Западной Европе идеи христианского просвещения и укоренения веры в широких массах народа были развиты и положены в основу политики католической церкви папой Римским Иннокентием III, чей понтификат пришелся на 1198–1216 гг. Это происходило наряду с активизацией борьбы с ересями. При поддержке Папы получила широчайшее распространение деятельность нищенствующих монашеских орденов, созданных св. Франциском Ассизским и св. Домиником. По его же благословению для христианизации ливов, эстов и литвы епископом Рижским Альбертом в Прибалтике был создан в 1202 г. монашеско-рыцарский орден меченосцев. См.: Иннокентий III, 2015. С. 44–55.

[26] Аналогичные процессы происходят и на Балканах в югославянских странах. Показательно, например, что при воцарении в 1204 г. царя Калоюна наметился даже союз болгарской церкви, получившей автокефалию, с Римом. Недолго длившийся, он не привел к изменениям в сфере православной догматики. См.: Флоря, 2004. С. 40–84.

[27] Феннел, 1989. С. 71.

8 Церковь Архангела Михаила в Смоленске (Свирская). Конец XII в. Вид с северо-запада. Фото 1970-х гг.
9 Печать князя Новгородского Ярослава Всеволодовича. Начало XIII в. ГИМ

9

зачастую враждующих друг с другом. Ярким доказательством наличия таких общих для эпохи устремлений является наблюдаемое практически повсеместно — в Смоленске, Владимире и Ярославле, в Киеве и Овруче, Чернигове, Галиче, Рязани и даже в Новгороде и Пскове — строительство высоких храмов с башнеобразным завершением, состоящими из местных и пришлых мастеров.

Заметно увеличивающиеся объемы строительства каменных общегородских соборов, монастырских и приходских церквей, а также храмов в городских усадьбах и пригородных резиденциях князей и бояр являются одной из важных примет времени. Помимо своей основной богослужбной функции, новые постройки выполняли роль градообразующих сооружений. В их облике усиливаются репрезентативные черты, позволяющие связывать их с отдельными районами города, крупными монастырями, а также с обширными усадьбами и конкретными лицами, ими владеющими [ил. 8].

В зодчестве, а также практически во всех видах художественного творчества появляется такое свойство, как масштабные соотношения, позволяющие человеку судить о месте, занимаемом им как в окружающем его пространстве, так и в социуме, определять характер взаимоотношений, возникающих между ними. С этим же связано и наблюдаемое в искусстве первой половины XIII в. усиление иерархического начала как фактора оценочного, определяющего шкалу значений и ценностей.

По проницательному суждению Е.И. Ротенберга, основанному на глубоком изучении городской культуры и искусства Западной Европы конца XII и XIII в., если ранее «воздействие конфессиональной идеи на человека [происходило] на уровне

[28] Ротенберг, 2001. С. 11.

[29] Там же.

[30] Там же. С. 28.

[31] Копьева, 1983. С. 59–73.

[32] Романов Б., 1947.

С. 17–46, 280–312; Анисимова,

1996. С. 80–83.

внеличностной авторитарной данности», то теперь, наряду с ослаблением роли «собственно догматического элемента», оказывается «сильнее выявлен момент личного переживания, непосредственного вовлечения верующего в литургический обряд», а вместе с этим дает о себе знать такой феномен, как «всеобщность религиозного чувства» [28]. Результатом таких изменений ментальности становится «более тесный эмоциональный контакт со зримыми сакральными образами» [29].

Аналогичный процесс наблюдается в означенное время и на Руси. Нарождающийся новый принцип осознания действительности требовал большей цельности и конкретности в понимании представляемой человеку общей картины мира. Все детали в ней теперь связаны не только друг с другом, но и с внятно обозначенным центром, в котором они находят обоснование этой взаимосвязи и самого факта своего существования. В таком соотношении очень конкретных и узнаваемых частей с абстрактным целым, а не в буквальном совпадении деталей можно ощутить сходство процессов, наблюдаемых в искусстве ранней готики, и в том, что происходит в зодчестве и живописи Руси первой трети XIII в. И там, и там разумное устройство мира воспринимается как отражение божественного замысла и указание на постоянное присутствие в нем Бога. Следствием подобного отношения к миру явилось стремление не выходить в процессе умозрения за пределы реальности, а видеть ее сопричастность божественной действительности. Восприятие божественного начала уже не требует, как это было в искусстве XII в., «переключения зрительского восприятия на метафизическую природу образа», оно выступает как нечто реально осязаемое, «непосредственно втягивающее зрителя в сферу своего эмоционального воздействия» [30]. В этом отношении показательно появление в описаниях разных чудес понятия «самовидец», которое, например, охотно использует составитель Киево-Печерского патерика суздальский епископ Симон [31].

Одновременно можно встретиться с фактами, говорящими о том, что все чаще деяния конкретной личности оцениваются современниками как результат прихоти судьбы и действия человеческой воли. С удивительной полнотой и отчетливостью этот взгляд на жизнь отразился в «Слове Даниила Заточника» [32]. В письменности более определенно, чем ранее, даются характеристики отдельных исторических личностей. Так, яркие примеры тому можно найти в описании раздора между сыновьями Всеволода III, приведенного к Липицкой битве. Особенно выразителен здесь откровенно негативный

10 Сирины. Рельефы Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. 1234 г.
11 Церковь Параскевы Пятницы в Чернигове. Рубеж XII–XIII вв. Вид с юга

10

образ князя Ярослава Всеволодовича, созданный летописцем путем описания его поведения до, во время и после битвы [33] [ил. 9].

Сколь бы фантастичной ни выглядела картина мира, рисуемая средневековыми авторами, теперь она обязательно строится на апелляции к чувственному опыту — личному или же неких свидетелей, — на разрозненных сведениях, полученных из собственного жизненного опыта и опыта знакомых людей, хотя и сочетаемых друг с другом по-прежнему на основании старых моделей, типология которых имеет мифологический характер. Замечательным примером такой мифологической модели является переведенное с греческого языка на русский в XIII в. «Сказание об Индийском царстве», повествование в котором ведется от первого лица, именующего себя «Иоанном, царем и попом» [34]. Мерой доказательности рассказа становится большое число красочно описываемых подробностей, обладающих таким качеством, как чувственная конкретность, зрительная наглядность. И вместе с тем в нем мы находим чисто синкретическое совмещение образов, жанров и приемов, заимствованных из разных источников. Здесь жанр своего рода проскинитария — путеводителя по святым местам — совмещается с сугубо сказочными подробностями вроде сообщений о живущих в земле Иоанна людях «с очами во лбу» и о «палате золотой» в его дворце, где «на четырех золотых столбах стоит правдивое зеркало» [35] [ил. 10].

Переоценке подвергаются даже такие фундаментальные понятия, как «святость». Если для культуры XII в. она являлась возделенной целью, к которой устремлена душа, то в рассматриваемое время святость превращается в итог пройденного праведником пути, победным свершением и даром, полученным из рук Бога. Понятия «святость» и «святыня» как нечто предметно доказуемое, вещественно осязаемое сближаются. Образ святого монументализируется, оплотняется, приобретает черты неизменности, что делает изображения похожими на бюсты или статуи. И в этом также обнаруживается сходство тенденций, существующих параллельно в культурах христианского Запада и Востока первых десятилетий XIII в. Идеал преодоления разрыва между духом и плотью Франциск Ассизский иллюстрировал следующими словами: «Я жил согласно со своей плотью. Я и она дружно служили Господу Богу» [36]. Сколь тесно связаны подобные сентенции с эстетическими представлениями эпохи, показывает рассказ об исцелении Франциском прокаженного, у которого «одновременно с очищением тела очищается душа» [37]. Нечто подобное мы находим и в произведениях русских книжников, в частности в Житии Авраамия Смоленского, автор которого, характеризуя святого, пишет, что он «всею телесною красотою (курсив мой. — Л. Л.) и добротой яко свет сияюще» [38].

Своеобразный «классический» баланс внутреннего и внешнего требовал от зодчих

[33] БЛДР. Т. 5. 1997. С. 85, 87.

[34] Сказание об Индийском царстве, 1997. С. 396–401, 523.

[35] Там же. С. 401.

[36] Дурылин, 1990. С. XXI.

[37] Цветочки Святого Франциска, 1997. С. 818–820.

[38] БЛДР. Т. 3. 1997. С. 34.

11

и художников, во всяком случае, на первых этапах, работы по поиску способов воплощения нового идеала. Особое внимание уделялось вопросам гармонизации композиций, вынятному выделению главных действующих лиц, смягчению эмоциональной экспрессии и акцентированию черт внешнего благообразия, физической и духовной крепости. В качестве образцов они часто использовали произведения эпохи «македонского ренессанса» X — начала XI в. Но, пожалуй, главным средством достижения желаемого результата было заметное усиление декларативного, «монологического» начала, что проявляется во всех видах творчества, включая литературу и зодчество.

В литературе это находит отражение в сокращении смысловой дистанции между описаниями явлений и событий и их истинным, глубинным значением, что заставляет авторов для их раскрытия постоянно прибегать к посредству образных аналогий. Изменяется строй речи, которая часто приобретает характер монолога, насыщается поэтическими образами, метафорами. В жанровом отношении она приобретает то характер сказа, то притчи, то панегирика, примерами чему могут служить «Слово Даниила Заточника» и Галицко-Волынская летопись. Интересно, что аналогичные явления появляются на грани XII–XIII вв. в западноевропейской литературе. Историки языка и литературы характеризуют их как процесс перехода от традиционного жанра «песни» к «сказу», в котором лич-

[39] Зютмор, 2003. С. 420–435.

ное высказывание не требует мелодического сопровождения, подчиняющего себе текст [39].

В зодчестве приметами такой тенденции становится подчеркивание цельности «скульптурного» объема храмов, всегда имеющих подчеркнута выделенную вертикальную ось, единую и для пространственного ядра, и для легко охватываемой взглядом оболочки стен, к нему примыкающих и его скрывающих. Обрамленные угловыми пилонами, лопатками и тягами, стены уподобляются плотным ширмам, в них вставленным. Динамика развития скрытого ими пространства интерьера обнаруживается благодаря вытягиванию по вертикали пропорций частей здания и построению композиции в виде ступенчато поднимающихся объемов. Подкупольные опоры раздвигаются, а вместе с ними равномерно раздвигается от центра к периферийным частям пространство храмов, в свою очередь плотно примыкая к поверхностям сводов и стен, которые теперь редко расчленяются лопатками. Зато на углах фасадов появляются крупные пилоны, чаще всего сложнопрофилированные, образующие подобие мощных плеч, сдерживающих идущее изнутри давление пространственного ядра. Они свидетельствуют о прочности и неизбежности конструкций здания и одновременно придают индивидуальность его облику, подчеркивают его «особность». Такому впечатлению способствует разнообразный резной каменный декор, а также профилировка уступов стен, ниш и окон [ил. 11].

В живописи и пластике те же задачи решаются прежде всего посредством выдвигания фигур на передний план, ориентации их взглядов, жестов и поз, чаще всего строго фронтальных, непосредственно на зрителя. Важное значение придается выбору кульминационных точек в развитии сценического действия, которое теперь находит разрешение не в окружающей фигуру или фигуры пространственной среде, а в центре авансцены. Такому сосредоточению действия и всего композиционного движения способствуют придание фону качества выдвинутой вперед материальной поверхности, плотность которой нередко подчеркивается яркой окраской или нанесенными на него орнаментальными мотивами, использованием техники инкрустации, канфарения и гравировки. Изображения не погружаются в поверхность фона, как в некое метафизическое пространство, а лишь слегка продавливают его поверхность своим массивом или закрепляются на нем хорошо читающимися темными контурными описями. Изменяется и характер трактовки самой пластической формы. Художники уже не стремятся создать некоторую иллюзию объемов, чье движение

разворачивается в пространственной среде, но стараются придать изображениям качества, вызывающие тактильные ассоциации, связанные не с объемом и пространством, а с восприятием массы, веса, особенностей фактуры поверхности изображения. Характерно, что поля икон, обрамляющие средник, художники любят несколько обособлять от него, делая их похожими на угловые пилоны и рельефные обводы стен храмов [ил. 12].

В этих и других деталях можно увидеть немало совпадений с тем, что на рубеже XII–XIII столетий происходит в искусстве поздней романики и ранней готики. Исследователи не раз отмечали, что на время Третьего (1189–1192), Четвертого (1202–1204) и Пятого крестовых походов (1217–1221) приходится усиление многообразных, в том числе и художественных, контактов Руси с Западной Европой [40]. Обращалось внимание и на то, что русские княжества именно в этот период, когда в Европе на фоне «распада старой „большой“, романской, художественной системы» зарождалась «новая, обладавшая таким потенциалом развития, который фактически открывал ей путь к культуре нового времени... до известной степени участвовали в подготовке этого перелома» [41]. Однако отмечалось и то, что «ни Византия, ни входившие в ее культурный круг страны Балкан и Русь не последовали за Западной Европой в готику. Они заимствовали из новой системы лишь те элементы, которые удавалось „встроить“ в местное искусство» [42]. Но, конечно, эти элементы не являлись просто «декоративными вставками». Они отвечали внутренним потребностям культуры, поискам новых понятий, новых языковых средств для их выражения. Осуществление этих задач, естественно, не шло «по пятам» за Западной Европой, но в указанный период тенденции нередко совпадали [43].

Интенцией, порождающей новые художественные решения искусства, является пафос доказательства неизменности идеала святости, возможности его реального воплощения и почти осязаемого присутствия в текущем времени постоянно изменяющегося человеческого бытия. Храм и отдельные иконы приобретают свойства патрональной святости, вокруг которой концентрируется жизнь как отдельных людей, так и целых социальных групп. Появляется то, что можно было бы назвать «областью святости», в которую человек может войти, переступив через ее границы, и пребывать там какое-то время, только совершив молитву. Пример красноречивого описания такого «входа» представляет вступительная часть Жития Авраамия Смоленского, автор которого пишет о том, что «прежде чем я начал писать [житие], молю Тебя, Господи

12

Иисусе Христе, Сыне Божий... дай мне, человеку дурному и грешнейшему из всех грешников, начать рассказ о светлом подвиге жизни и терпения... блаженного Авраамия» [44]. Чувство границы, разделяющей мир профанный и мир святости, становится одним из важнейших свойств поэтики искусства XIII в.

Конечно, все указанные приметы не являются абсолютной нормой и не остаются неизменными. Более того, анализ памятников искусства показывает, что они изменяются и это происходит достаточно быстро. Во всяком случае, произведения живописи, которые надежно датируются началом XIII в., заметно отличаются от произведений, созданных в 1220–1230-х гг. Это обстоятельство, учитывая то, что до нас дошло крайне малое число памятников первых десятилетий XIII столетия и — за редким исключением — отсутствуют документальные свидетельства, освещающие историю их возникновения и бытования, во многом определяет сам способ их рассмотрения и систематизации, основанный преимущественно на стилистическом и иконографическом анализе. Существенным подспорьем для исследователей искусства означенного периода является то обстоятельство, что в это время на Руси продолжают действовать закономерности стилистического развития, общие для всего художественного ареала православного мира. Их исследование позволяет различать произведения, созданные на рубеже XII–XIII вв., вроде

12 Свв. Симеон Столпник и Ставрокий. Каменная иконка. Новгород. XIII в. НГОМЗ

[40] Стерлигова, 1993. С. 5–24.

[41] Беляев Л., 2003. С. 265.

[42] Там же.

[43] Поэтому вряд ли можно согласиться с высказанной Л.А. Беляевым мыслью о том, что Русь в своем художественном развитии «не перешла рубеж „стиля 1200“» (Беляев Л., 2003. С. 266).

[44] БЛДР. Т. 3. 1997. С. 31.

[45] Пивоварова, 2002.

[46] Лидов, 2014.

[47] Мавродинова, 1975.

[48] Джурич, 2000. С. 86–92;

Djurić, 1988. С. 171–184;

Tomković, 1988. P. 233–242.

[49] Радојичић, 1963; Джурич,

2000. С. 97–102.

[50] В битве близ города

Легница в Польше 9 апреля

1241 г. монгольские войска

разгромили объединенное

польско-немецкое войско.

Это была крайняя точка

их продвижения на запад.

Они не пошли дальше

в Германию, а повернули

на юг — в Венгрию и Мора-

вию. В 1246 г. в Каракоруме

у великого хана Гуюка

Ярослав Всеволодович

подтвердил ярлык на вели-

кое княжение, но на пути

домой умер. 20 сентября

1246 г. в Золотой Орде был

убит другой претендент на

великое княжение — Миха-

ил Всеволодович Чернигов-

ский. После смерти Яро-

слава великокняжеский

престол по старому праву

наследования занял Свя-

тослав Всеволодович. Одна-

ко сыновья Ярослава были

этим недовольны. В 1248 г.

владимирское княжение,

согласно завещанию Яро-

слава и по воле хана Гуюка,

досталось Андрею Яро-

славичу. В 1252 г. Андрей

Ярославич был свергнут

войском Сартака, а ярлык

на великое княжение вла-

димирское передан его

брату Александру Невско-

му, более лояльному к Орде.

См.: Горский А., 1996. С. 29,

46, 74.

[51] В первые десяти-

летия XIII в. университеты

уже существуют в Париже,

Болонье, Падуе, Неаполе,

Оксфорде, Кембридже

и многих других городах

Европы.

фресок 1199 г. церкви Спаса на Нередице в Новгороде [45], Ахталы в Армении [46], Мелника в Болгарии [47] и памятники, созданные десятилетием позже, подобные фрескам Богородичной церкви в Студенице около 1209 г. [48], тем более от живописи 1220–1230-х гг. типа росписей монастыря Милешева [49].

При том что, как было сказано выше, на первую половину XIII в. приходится кульминация процесса обособления земель и княжеств Руси, получающих права независимых уделов со своим особым укладом жизни, мы не всегда можем уверенно говорить о принадлежности отдельных памятников к кругу произведений местных мастеров. Объясняется это не только недостатком наших знаний, отсутствием надежных аналогий и документальных свидетельств, но и часто характерным для времени переплетением в самой художественной ткани того или иного произведения разных тенденций и заимствованных из авторитетных образцов мотивов и приемов. Особенно показательным, что с такими сочетаниями мы встречаемся не только в иконах, рукописях, произведениях прикладного искусства, которые легко переносятся с места на место, но и в памятниках зодчества, в чьем создании могли принимать участие пришлые зодчие, строители, плинфотворители, резчики по камню.

События конца 30 — начала 50-х гг. XIII в. [50] провели резкую границу между домонгольским периодом истории Древней Руси и пришедшей ему на смену эпохой монголо-татарского ига. Вторжение ино-племенников — разгром войска великого владимирского князя на реке Сить в 1238 г., захват Киева в 1240 г. — не просто нарушило былую логику развития русских земель, но надолго прервало процессы формирования городской культуры, отчетливо наметившееся «поступательное движение» в жизни общества, то, что можно было бы условно назвать цивилизационным прогрессом, который в какой-то мере был аналогичен тем явлениям, что наблюдались в 1200–1250-х гг. в жизни Западной Европы. Цветущей культуре домонгольской Руси был нанесен непоправимый урон, она на столетия оказалась в политической изоляции, оторванной от общего пути развития европейской цивилизации, чему в немалой степени способствовали и агрессивные действия ближайших западных соседей. Разгром быстро развивавшихся городов на Юге, Юго-Западе и Северо-Востоке страны, полное опустошение множества сел надолго остановили развитие ремесел, торговли, сельского хозяйства, на десятилетия прервали каменное строительство. Принципиально изменяется вектор раз-

вития общества. Если на западе Европы продолжается рост городов, развитие ремесел, торговли, закладываются основы научных знаний — университеты [51], то на Руси преобладающее значение приобретает культура сельского населения, не связанная с производством предметов, предназначенных для продажи на рынке, превалируют домашние формы ремесла, ориентированные на собственные нужды. Очаги культуры продолжали еще теплиться в оставшихся неразграбленными городами — Ростове, Новгороде, Пскове, но общую ситуацию это никак не изменяло.